

ОТРАЖЕНИЕ ДИНАМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ПРИГОТОВЛЕНИЯ И ПОГЛОЩЕНИЯ ПИЩИ В СЕМАНТИКЕ ОБРАЗНЫХ СРЕДСТВ РУССКОГО ЯЗЫКА

Е.В. Капелюшник

Аннотация. В рамках концепции образного строя языка описывается лексико-фразеологическое поле «ЕДА/ПИЩА», эксплицирующее систему кулинарных образов в русском языке. Структура поля детерминирована представлением развертывающегося во времени сценария приготовления и поглощения пищи, каждый элемент которого участвует в процессе метафоризации.

Ключевые слова: образное лексико-фразеологическое поле; динамическая когнитивная модель; культурный образ.

Еда является важнейшей витальной потребностью человека. Она не только питает и поддерживает физическое существование человека, но и оказывает влияние на его дух, привычки, межличностные отношения в обществе. Кулинария как одна из самых древних и понятных сфер жизни человека становится частью национальной культуры и как элемент национальной культуры носит символический характер. Кулинария в целом и отдельные ее части могут рассматриваться как основа концептуализации мира, как один из важнейших этнических модулей, посредством которого люди выстраивают свой национально-специфический образ мира [1–3].

Концептуальная сфера «ЕДА» задействована в образном метафорическом отражении действительности [4, 5]. Комплексное описание максимально полного лексико-фразеологического фонда образных средств современного русского языка, реализующих в качестве образного основания понятия из концептуальной сферы «ЕДА», позволяет целостно представить фрагмент русской языковой картины мира, связанный с образным переосмыслением исходного базового концепта «ЕДА/ПИЩА».

Данное исследование проведено в рамках концепции образного строя языка, сочетающей системно-структурный, когнитивный и лингвокультурологический подходы к описанию системы образных представлений, метафорически реализованных в лексико-фразеологических единицах языка [6].

Анализ кулинарных образов – источника метафорической номинации для явлений других концептуальных сфер, осуществлен методом построения образного лексико-фразеологического поля. В современной лингвистике под семантическим полем понимается совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений [7–10].

Моделируемая полевая структура представляет собой сложное образование, состоящее из нескольких микрополей. Поле «ЕДА/ПИЩА» можно обозначить как макрополе в силу множественности входящих в него единиц, образующих относительно самостоятельные полевые образования, каждое из которых имеет свою структуру. Структура поля «ЕДА/ПИЩА» как комплексной языковой единицы изоморфна концептуальной структуре сферы «ЕДА», которая может быть представлена как совокупность ситуаций, связанных с приготовлением и поглощением пищи. Сложная структура поля детерминирована представлением развертывающегося во времени сценария приготовления и поглощения пищи, каждый элемент которого участвует в процессе метафоризации. Сценарий содержит последовательность событий, включающих мотив (желание, потребность, намерение, просьба) как начало цепочки событий, процесс приготовления пищи, процесс поглощения пищи и завершающихся состоянием удовлетворения/неудовлетворения исходных потребностей. Сценарием определяются участники событий, их социальные роли (голодный, едок, кулинар, кормилец), орудия, используемые участниками кухонные принадлежности, место действия (кухня).

Обратимся к примерам контекстного словоупотребления образных лексических средств, участвующих в представлении сценария приготовления и поглощения пищи. В качестве иллюстративного материала в статье использованы данные из «Национального корпуса русского языка» [11].

Отправной точкой развития сценария является мотив – физиологическая потребность в еде и питье, от удовлетворения которой зависит жизнеспособность организма. Мотив выражается как чувство голода, потребность в еде, желание поесть, вызванное аппетитным видом и запахом кулинарного блюда, просьба к кому-нибудь с целью получить еду. Представление о данной физиологической потребности реализуется в значении следующих образных единиц по принципу аналогии: *голод* 'потребность в чем-л., подобная желанию есть', *изголодаться* 'почувствовать недостаток чего-л., подобный потребности в еде', *жажда* 'острый недостаток чего-л., подобный желанию пить', *жаждать* 'испытывать острый недостаток чего-н., подобный жажде' (*А можно моего сына показать? – спросил Кямал, и его лицо мгновенно осунулось. Глаза стали голодными. Сын – вот его непреходящий душевный голод.* Токарева); *аппетитный* 'вызывающий желание получить внешне привлекательный, заманчивой, соблазнительный объект', *аппетит* 'потребность, желание в чем-л., подобное желанию поесть' (*А цена просто замечательная, можно сказать – самая аппетитная.* Некрасов, Колодочкин); *просить каши* 'быть разорванным со стороны носка; об обуви, которая изнасилась до дыр и как будто открывает рот, чтобы поесть' (*Так вот этот красавец ходил в башмаках, которые «просили каши», и он перевязывал их веревкой, чтобы они не развалились.* Архипова).

Сценарий предполагает наличие участника – голодного человека (S1), нуждающегося в удовлетворении потребности в еде и питье. Он ха-

рактизуется наличием определенных предпочтений в пище. Данные представления легли в основу образного именованного целого ряда различных явлений жизни из области социального поведения человека. Например, **всеядность** 'нравственная неразборчивость в чем-л., подобная нетребовательности в определенном виде пищи' (*Наш народ всеяден, но мне больше нравится мой зритель, который понимает глубинный смысл наших взаимоотношений. Задорнов*); **гурман** 'любитель и ценитель изысканности в чем-л.' (*Что-что, а пропустишь его «Калькверка» по произведению Томаса Бернхарда, поставленного в краковском Старом театре, для театрально-го гурмана не представляется возможным. Вольгуст*).

Мотив предполагает дальнейшее развитие сценария. Для удовлетворения своей потребности субъекту необходимо получить готовый к употреблению продукт, т.е. перейти к ситуации поглощения пищи (сокращенный сценарий), или принять участие, активное или пассивное, в приготовлении блюда (полный сценарий). Рассмотрим полный сценарий приготовления и поглощения пищи.

Ситуация приготовления пищи включает множество процессов механической и термической обработки продуктов питания. Глаголы обработки пищи описывают значимую прототипическую ситуацию действительности, поскольку приготовление пищи является одной из самых древних отраслей человеческой деятельности. Лексические единицы со значением обработки пищи являются востребованными в процессах образной номинации. Например, **подсолить** 'сделать кому-л. неприятность', **мариновать** 'намеренно задерживать кого-н., откладывать надолго решение, исполнение чего-н.', **обстрелять** 'обмануть, провести кого-н.', **консервировать** 'временно приостанавливать развитие, деятельность чего-н.', **подмаслить** 'дать кому-н. взятку', **шпиговать** 'снабжать в изобилии какими-л. сведениями, знаниями', **процедить** 'произнести медленно и небрежно, невнятно' и др. (*А может, просто хотел по-тихому обстрелять черное дело. Донцова; Да нет, просто сказала: «К тебе завтра придет моя сестра, у нее дело, прими побыстрее, не мариновуй в приемной». Донцова*). Анализ процессов семантических преобразований, лежащих в основе формирования данного фрагмента комплексного сценария приготовления и поглощения пищи, демонстрирует высокий когнитивный потенциал этого микрополя. С помощью представления внеязыковой ситуации обработки пищи моделируется видение других ситуаций действительности, связанных с жизнедеятельностью человека:

1) физическое и эмоциональное состояние: **вскипеть** 'прийти в раздражённое состояние' (*Тут уж я не выдержал, вскипел, взорвался, сказал редактору нечто, идущее от сердца, и хлопнул дверью. Мильчин*); **небо коптит** 'жить праздно, не занимаясь никаким полезным делом' (*Мы теперь своим не кормильцы, незачем и небо коптит. Иванов*);

2) физическое и эмоциональное воздействие: **допечь** кого 'измучить, довести до крайности чем-н. неприятным, тяжёлым' (*Он такой славный, хотя и допек уже всех своей гидрологией. Тронина*); **замешать** кого

'вовлечь в предосудительное дело, в преступление' (*Особенно не хотел вмешивать в такие дела отца – слишком он несдержанный человек и открытый. Гранин*); **крошить** 'истреблять' (*Глебов слушал почтительно, представляя себе, какие сечи гремели, какие авторитеты крошились, какие книги выбрасывались за борт в кипящее море, и крепенький, толстый старичок с румяными щёчками казался ему богатырём и рубакой, Ерусланом Лазаревичем. Трифонов*);

3) ментальные процессы: **голова (котелок) варит** 'хорошо соображает' (*Если голова варит, ею можно сделать прорыв дел... Быков*);

4) речевая деятельность: **молоть** 'говорить глупости, ерунду' (*Моргуниха молола языком, за ней повторяли. Екимов*).

Приготовление пищи предполагает, что этот процесс осуществляется кулинаром (S2), который может быть равен субъекту поглощения пищи (S1), если удовлетворяет свои потребности. Сложившееся представление о характере работы, которую выполняет кулинар, формирует ассоциативный план образного уподобления. Например, образы мясника, кашевара часто используются для передачи негативной оценки действий человека: **кашевар** 'человек, не имеющий представления о том, как правильно что-то делать' (*И ко всему написанному и прочитанному надо относиться именно так: кашевар, на старости взявшийся за перо. Азальский*). В основе уподобления лежит представление о достаточно простой, незатейливой, нехитрой работе, которую может выполнить практически каждый человек (приготовить кашу), в сравнении с другой деятельностью, требующей высокого профессионализма. Оценка деятельности мясника как грубой и достаточно жестокой, нечеловечной становится основанием для образного переосмысления при обозначении, например, профессиональной деятельности врача: **мясник** 'грубый, бездушный, нечуткий человек' (*Вы подумайте, тот мясник, кто меня оперировал, даже не появился! Грекова*).

Комплексным сценарием развития действия предопределяется наличие места и оборудования, необходимых для приготовления пищи и подачи блюда к столу. Любовь к разговорам на кухне, где обсуждается самое наболевшее и злободневное, приводит к тому, что кухня становится не только местом приготовления пищи телесной, но и тем «котлом», в котором «варятся» идеи. Интимность этих бесед переосмысливается как таинственность, скрытость от посторонних глаз, внутренняя сущность какого-либо процесса: **кухня** 'скрытая сторона какой-н. деятельности, чьих-н. действий' (*Но – прошли века – стала утончённее, скрытнее кухня власти. Крупин*). Форма, внешний вид, функциональная принадлежность кухонной утвари, включая предметы далекого прошлого (жернов, горшок, чаша), а также кухонные принадлежности, свойственные веку современному (миксер, штопор), выступают в качестве мотивирующего основания при обозначении различных предметов и явлений окружающей жизни.

Так, например, наличие мелких отверстий для отцеживания жидкости у дуршлага лежит в основе уподобления какого-либо предмета, имею-

щего множественные отверстия, появившиеся по той или иной причине, дуршлагоу (*Пока доехали до Москвы, нахватили в колеса столько гвоздей... Камеры превратились в дурилаг.* Грозмани). Форма бутылки, а именно наличие узкого горлышка, также выступает основанием для образного переосмысления (*Поворот к ТЦ «Мега» – лишь одно из бутылочных горлышек МКАД.* Будкин, Колодочкин). Сравнение миксера и какого-нибудь объекта происходит на основе сходства стремительности и хаотичности движения ингредиентов внутри резервуара (*Вечером в воскresенье все Шереметьево гудело, шумело, перекликалось на разные голоса; люди крутились в его стеклянном резервуаре стремительно, как в миксере.* Берсенева).

Образному переосмыслению подвергаются представления о цвете, форме, вкусе и других свойствах исходных продуктов питания, из которых будут приготовлены посредством определенных действий блюда или которые можно употреблять в пищу без какой-либо кулинарной обработки, а также готовых блюд. Образные единицы *как огурчик* 'о здоровом, крепком, свежо выглядящем человеке', *лепешка* 'о предметах, по форме похожих на диск', *лимонный* 'о светло-желтом цвете, похожем на цвет лимона', *грушевидный* 'о чем-л. в форме груши', *мучнистый* 'о чем-л., имеющем блеклый вид, как будто содержащем в своем составе муку', *как по маслу* 'о чем-н., происходящем без затруднений, легко, подобно движению по масляной поверхности' и подобные могут использоваться для характеристики предметов и явлений из других концептуальных сфер (*Далее церемония пошла как по маслу в соответствии с тогдашним кремлевским протоколом.* Грищенко).

Образные единицы проецируются на сферу человеческой жизни, ассоциируются с проявлением жизнедеятельности человека. Например, используются для описания внешности человека: *Нос у парня покраснел, как помидор.* Лиханов; *Валька-ворона же увидела немую сцену – Чума-Игорек, взявший старика за воротник, и тётка с головой, как тыква, которая этого деда схватила сзади.* Петрушевская; *Я так и видела его солидное, мучнистое, картофельное лицо, просторные уши, зачёс поперек плечи.* Грекова; *Эльфрида погрозила Иоганну толстым, похожим на молочную сосиску пальцем.* Кожевников. В основе уподобления лежит внешний признак: форма, размер, цвет кулинарного продукта. При этом необходимо отметить, что количество образных сравнений, возникающих на основе лексем, входящих в состав данного микрополя, постоянно растёт. Наименования привычных, ежедневных кулинарных блюд и продуктов, их свойства и характер приготовления (легкость и незамысловатость) становятся источниками образных характеристик. Например, *как омлет* 'делать что-то быстро и без особых затрат' (*Я диву даюсь, когда халтуристики варганят песню, как омлет. Это огромный труд, а они думают, что это легко.* Смирнова), *как макаронина* 'о чем-л., имеющем тонкую длинную форму' (*Забить Феденьку невозможно. Карикатурно вытянут в длину, как макаронина.* Боссарт).

Обобщенный образ готовящегося блюда – **стряпня, варево** – несмотря на высокую утилитарную значимость, в силу своих внешних характеристик (смешанность ингредиентов, бесформенность, вязкость и т.д.) часто связан с отрицательными эмоционально-оценочными коннотациями. Так, образ кипящего в котле варева с бурлящими в нем ингредиентами проецируется на сложные межличностные отношения (*Юра думал, что этого не будет больше никогда, что, уехав на Сахалин, оборвав все нити, связывающие его с прежней жизнью, с Москвой, он поставил надежный заслон перед этим котлом, в котором как варево кипят отношения, для него невозможные.* Берсенева) или накладывается на социальные взаимоотношения, пронизанные жесткой конкурентной борьбой (*Но сегодня в результате бешеной конкуренции между владельцами телеканалов «кухня» приготовления информационного варева приоткрылась, и из нее вырываются зловонные пары от тех продуктов, которыми нас потчуют телетехнологи.* Миронова). А образ стряпни, из-за повседневности, рутинности, привычности этого действия, задействован при характеристике чего-то наскооро, грубо, неискусно сделанного (*Да ты сам взял бы какую книжку с полки, да почитал бы дедову стряпню, хе-хе-хе...* Аверченко).

Оценка качества пищи становится основой формирования отношения к различным явлениям действительности. Достаточно вспомнить, как дети тянут предметы в рот: познают мир, пробуя его. Мир становится понятным, приятным, естественным, удобным, заманчивым, если мы оцениваем его как **съедобный** (*Звуки, пройдя через их единство – как пар через правильно помолотый кофе и бумажный фильтр, – понятной, съедобной мелодией добирались до ушей* Суреныча. Новикова), **удобоваримый** (*Лизавета судорожно придумывала более или менее удобоваримую версию.* Баконина), **лакомый кусочек** (*Для ИТ-бизнеса эта программа особо интересна: госзаказ – лакомый кусок для любой компании.* Кулаков).

Включается в процесс метафоризации и процесс подачи блюда к столу. Например, **на закуску** 'под конец, в заключение' (*Так нет же, вместо того, чтобы жить тихо и мирно, без всяких неприятностей, сдав валюту и камни, этот корыстный болван добился всё-таки того, что разоблачён при всех и на закуску нажил крупнейшую семейную неприятность.* Булгаков). Необходимым атрибутом этого процесса является скатерть. Путь без преград уподобляется ровной, гладкой поверхности скатерти (*Стоило мне закрыть глаза, и Финский залив развернулся, как скатерть, брошенная Господом на землю.* Ефремов). Мечты о легкой жизни нашли свое отражение в выражениях **на блюдечке/на блюдечке с голубой каёмочкой** 'о получении чего-н. без затраты труда, усилий' (*В офисе компьютер изъяли, а там информация по сокрытым налогам как на блюдечке.* Данилюк).

Представление о процессе поглощения пищи с учетом возможных вариантов этого действия также задействовано в образном метафорическом отражении действительности. Ф. Перл, основатель гештальт-подхода в психотерапии, указывал на структурную связь между переживаниями на

сомато-вегетативном уровне при поедании пищи и переживаниями при использовании метафоры поедания в символическом смысле, когда человек использует для описания своего жизненного опыта метафору съедания. Исследователь пишет о параллельности физических и психических процессов и считает, что человек усваивает информацию о внешнем мире так же, как он усваивает пищу, поступающую из внешней среды в организм [12. С. 257]. Представление о физиологическом процессе поглощения пищи лежит в основе образного содержания метафор: *глотать* 'принимать молча (что-н. обидное)', *разжевать* 'разъяснить, растолковать до мелочей, до полного упрощения', *переваривать* 'думать, осмысливать', *съесть* 'выслушать, безропотно снести что-л. обидное, оскорбительное', *впитать* 'принять что-л. как свое собственное' (*Сказал Наташке, что полюбил другую и прошу развод, – она молча это съела*. Маринина. *Да и нельзя было выжить, не научившись молча глотать ложь, ливнущую со страниц газет, в передачах радио, со всех трибун...* Качурин, Шнеерсон).

Питание как физиологический процесс, без которого невозможно само существование человека, как и всего живого на Земле, несет в себе и разрушительную силу, становится метафорой разрушения, выражением деконструктивных процессов, связанных с внешним и внутренним миром человека. Нас поедает само бытие, время уничтожает жизненные силы человека: *выесть* 'уничтожить, разрушить изнутри' (*А у меня уже и самолюбия авторского не осталось. Все старость проклятая выела*. Аверченко). На уровне межличностных отношений жизнь воспринимается как постоянная борьба за выживание, где слабый будет «съеден» более сильным, властным: *есть* 'попрекать, бранить, морально уничтожать кого-н.', *взъестся* 'невзлюбив, рассердившись или раздражившись, начать упрекать, обвинять, бранить кого-н.', *едкий* 'язвительный, колкий (о характере, словах)', *уесть* 'уязвить замечанием, репликой' (*Крестьяне 70-х любили уесть городских, что те про деревню только и знают, что спереди у коровы рога, а сзади вымя*. Горелов). Кулинарные образы с семантикой поглощения используются для передачи негативного эмоционального состояния человека, вызванного «внутренними раздражителями» (мысли, чувства, эмоции, образы, воспоминания и т.д.); нас гложут страсти, поедают сомнения, грызет совесть: *пожирать* 'поглощать, завладевать, захватывать целиком', *тоска заела* 'о том, кто постоянно в тоске, тоскует' (*Но сейчас он был влюблен без ума и пожираем ревностью...* Тарасов).

Образному переосмыслению подвергаются и то чувство, которое испытывает человек во время еды: *смаковать* 'делать, рассказывать, переживать что-н., испытывая особенное удовольствие' (*Снятый Блоцким репортаж смаковали в большинстве информационных и аналитических программ...* Горькая), и особенности самого процесса поглощения пищи: *обсосать* 'подробно рассказать о чём-н., изучить, рассмотреть' (*Ты себе выдумала историю и обсасываешь ее со всех сторон*. Устинова), и даже звуковое описание этого процесса; *чавкать* 'при воздействии на что-л.

вязкое, жидкое, издавать звук, подобный тому, который производится губами во время еды' (*Девочке не хотелось домой к бормочущей, ничего не понимающей матери, не хотелось и к матери прежней, с толстыми руками, которые чавкают в фарше, поблескивая жирным золотым кольцом.* Славникова).

В образных единицах, зафиксировавших представление о человеке, поглощающем пищу, – **дармоед, буквоед, сердцеед, прихлебатель, пенкосниматель, лизоблюд, пожиратель, кровопийца, нахлебник** – отразились национальная психология, этические и моральные установки народа в оценке качеств и поведения человека. Так, например, образ, связанный с ситуацией доедания за кем-либо, нашел отражение в образной единице **прихлебатель** 'лстец, стремящийся пожить за чужой счет, как бы «прихлебывает из чужой тарелки»' (*Но его окружение, где ошивается масса вороватых прихлебателей, возненавидело меня немедленно при появлении рядом с ним.* Тарасов). Представление о жестоком человеке образно переосмысливается через метафорически выраженный процесс питья крови, который как будто бы совершает называемый субъект: **кровопийца** 'жестокий, безжалостный человек, который как бы «пьет кровь»' (*И судя по газетам и телевидению, у Геращенко имидж кровопийцы, мечтающего изымать деньги из карманов трудящихся.* Кио).

Как вариант развития модели приготовления и поглощения пищи можно рассматривать ситуацию кормления 'давать кому-л. еду'. Среди объектов, на которые направлено действие, незрелые или недееспособные люди. Представление о пассивной роли едока, поглощающего то, что ему предлагают, становится основанием для образного переосмысления. Так, в значении образной единицы **выкормыш** 'о низком, подлом человеке, которого как будто выкормили для выполнения определенной работы' отразилось презрительное отношение к несамостоятельным в своих мыслях и действиях людям, живущим по указке «кормильца» (*Над всеми царит Петров – фаворит правящего в Ленинграде заместника, его дитя, его выкормыш, увешанный знаками отличия.* Свиридов).

Целью непосредственного приготовления и поглощения пищи является достижение состояния сытости как результата удовлетворения исходной потребности голодного субъекта. Данный фрагмент комплексного сценария также участвует в процессах метафоризации действительности. Процессы, протекающие в психической, ментальной и социальной жизнедеятельности человека, образно именуется через уподобление физиологическому процессу, связанному с состоянием сытости: **сыт по горло** 'о том, чего слишком много', **досыта** 'вдоволь, до удовлетворения', **пресыщенный** 'получить что-н. или насладиться чем-н. до полного удовлетворения, сверх меры', **ненасытный** 'такой, который невозможно удовлетворить', **насытить** 'наполнить в большом количестве, до предела' (*Сейчас досыта набегаться с ребятами – вот сладость жизни, и она от него никуда не уйдёт.* Искандер. *К губителям России в полной мере мож-*

но причислить **ненасытных**, алчных богачей, чье личное состояние достигает миллиардов долларов. Уверен в победе).

Таким образом, кулинарная лексика в своем образном функционировании формирует значительный метафорический фрагмент национальной картины мира. Образные кулинарные единицы русского языка структурируются как лексико-фразеологическое поле «ЕДА/ПИЩА» и системой своих значений отражают комплексный сценарий, включающий процессы приготовления и поглощения пищи. Представленная в статье модель образного лексико-фразеологического поля позволяет целостно представить фрагмент действительности, связанный со сферой «ЕДА», послужившей источником метафорической интерпретации различных сфер действительности и средством метафорической характеристики человека и его свойств с точки зрения носителя русского языка.

Литература

1. **Банкова Т.Б.** Кулинарный код сибирских семейных обрядов: объективация в языке // Вестник Томского государственного университета: Бюл. операт. науч. информ. «Обрядовое слово как языковой и культурный феномен: статус и региональная специфика». 2006. № 112. С. 20–33.
2. **Березович Е.Л.** Язык и традиционная культура. М.: Индрик, 2007. 600 с.
3. **Ковишова М.Л.** Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 48 с.
4. **Юрина Е.А.** Лексико-фразеологическое поле кулинарных образов в русском и итальянском языках // Язык и культура. 2008. № 3. С. 83–93.
5. **Капелюшник Е.В.** «СЛАДКОЕ» в кулинарном коде культуры (на материале лексики образного семантического поля ЕДА/ПИЩА) // Язык – Текст – Дискурс: традиции и новации. Самара, 2009. С. 107–114.
6. **Юрина Е.А.** Образный строй языка. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 156 с.
7. **Гусева А.Е.** Основные этапы методики лингвистического моделирования лексико-фразеологического поля // Проблемы филологии, лингводидактики и межкультурной коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. М.: МГПУ, 2003. Вып. 5. С. 20–26.
8. **Зиновьева Е.И.** Понятие «поле» в лингвометодических исследованиях // XXXII Международная филологическая конференция. 2003. Вып. 15. С. 108–112.
9. **Кобозева И.М.** Лингвистическая семантика: Учеб. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
10. **Шабанова В.П.** Лингвокогнитивное моделирование и лексикографическое описание лексико-фразеологического поля «Проявление эмоций» (на материале современного немецкого языка): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 187 с.
11. **Национальный** корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>
12. **Перл Ф.** Практикум по гештальт-терапии. М.: Ин-т общегуманит. исследований, 1993. Вып. 1. 469 с.

THE REFLECTION OF DYNAMIC MODEL OF COOKING AND ABSORPTION IN THE SEMANTICS OF IMAGE MEANS IN THE RUSSIAN LANGUAGE
Kapelyushnick E.V.

Summary. The article within the frame works of the image (graphic) structure of the language describes a lexical-phraseological field «MEAL/FOOD», which reveals the system of culinary images in the Russian language. The structure of the field is determined by the presentation of the scenario of food cooking and absorption, every element of which takes part in the process of metaphorisation.

Key words: image lexical-phraseological field; dynamic model; cultural image.